

УДК 908:81'42

ФОРМИРОВАНИЕ РОДИНО- И КРАЕВЕДЧЕСКОГО ДИСКУРСА НА ОСНОВЕ ЛОКАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРАКТИК (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Г. П. Пирожков

Тамбовский филиал Московского государственного университета культуры и искусств, 392680, Тамбов, ул. Монтажников, 3
gpptmb48@rambler.ru

Представлен обзор интерпретаций ряда понятий в дискурсе родино- и краеведения и анализ их концептуальных характеристик, сделана попытка прояснить историко-культурологические принципы феномена родино- и краеведения и наиболее важные аспекты процесса дефинирования отдельных терминов. Предложена версия зарождения родино- и краеведения, показан интерес к нему, обнаруженный в современных образовательных методиках. Под родиноведением подразумевается система образовательно-воспитательной работы с целью знакомства с материальным, духовным и эстетическим богатством родного края.

Ключевые слова: родиноведение, краеведение, дискурс, локальные исследовательские практики.

Отправной точкой для создания общей теории науки и для разработки практических рекомендаций в области управления научными исследованиями служат исторические исследования, которым науковедение отводит особое место [Кузнецов, 1982, с. 3]. В науковедческом анализе краеведения особое значение следует придать процессу создания этой науки, потому что как типичный научный феномен краеведение имеет собственный генезис и развитие. Его изучение требует прежде всего *исторического подхода* [Pirozhkov, 2006, с. 227–234; 2005, с. 1030–1038; Пирожков, 2006а; 2005б и др.].

Осмысление феномена краеведения сегодня необходимо и с точки зрения *социокультурного подхода*. Краеведение как социокультурный феномен имеет почти полуторавековую историю. Посредством моделирования качественных характеристик развития краеведения (как социокультурного феномена) в разные годы возможен анализ отдельных составляющих краеведческой системы, допустимо прогнозирование его развития. Поэтому социокультурный подход при историческом анализе материала по истории краеведения позволяет выявить эффективные механизмы формирования сложной системы краеведения, ее функциональных и структурных особенностей на разных этапах истории на фоне происходивших в России социокультурных изменений. В итоге – более объективное определение перспектив краеведения в контексте сегодняшней социокультурной ситуации и, главное, выявление его возможностей как науки и как отрасли деятельности человека в связи с разработкой и реализацией культурной политики, прежде всего региональной.

Ряд известных исследователей истории краеведения в качестве первого этапа развития краеведения в соответствии с указанным подходом называет вторую половину XIX – начало XX в.: «время формирования краеведения как сложносоставного интегративного социокультурного феномена, что проявлялось в его институционализации, складывании основных функций, форм и видов краеведческой деятельности [Шмидт, 1992, с. 14–27; Размустова, 1991, с. 77–78].

Чтобы «улучшить понимание» феномена и довести его до уровня единообразного видения многообразия форм и функций, найдем «новые языковые сопряжения» (по выражению представителя философской герменевтики Г. Гадамера), а именно конкретизируем понятийно-терминологическую структуру, привлекая для этого исторический план, так как существующие в нашей традиции представления о родино- и краеведении унаследованы от прошлого. Когнитивную базу для обобщений составляют имеющиеся атрибуты, дефиниции, установления, причем их многозначность дает в рассеянной форме полифонию смыслов. Чтобы обнаружить в ней потенциал внутреннего единства, важно редуцировать ее к компактному, наименьшему числу понятий, терминов, определений.

Несомненно, что в разработке проблемы «История краеведения в России» сегодня преобладает исторический аспект [Шмидт, 1989а; 1989б; Филимонов, 1989; Пирожков, 2011, с. 134–136]. Есть ряд работ на региональном материале [Первушкин, 2008; Чернов, 2005 и др.]. Имеются учебные пособия, в основе которых лежит рассмотрение отраслевой специфики [Строев, 1974; Синицына, 1983 и др.]. Существует учебная литература, содержащая разделы по истории краеведения, терминологический словарь «Краеведение» [Пирожков, 2006б и др.].

На современном историографическом этапе актуальность приобрела проблема истории краеведения в контексте его духовной составляющей. В итоге в центре исследовательского внимания оказались не только организаторы и участники краеведческого движения, но и те, кто образовывал социальную среду родиноведческого генезиса. Необходимость такого научного поиска стала очевидной с началом широкого преподавания краеведческих курсов в учебных заведениях. Автор настоящей статьи, ставший активным организатором и участником внедрения таких курсов в учебный процесс [Пирожков, 2005а; 2006а; 2006б и др.], отвечая на вопросы о предшественниках советских краеведов, доказывал, что история краеведения (как и история России) началась не в 1917 г.

Сегодня термин «краеведение» стал немодным, в учебных программах его все чаще заменяют термином «региональный компонент». Краеведение как самостоятельный предмет исчезло из программ педагогических институтов, хотя краеведение как факультатив или как самостоятельный предмет преподается во многих средних учебных заведениях. На конференциях, заявляемых как краеведческие, преобладают профессиональные историки, изучающие историю отдельного региона, часто понимая под ним область, район, а случается и село, например, в краеведческой публицистике, ставшей в последнее время заметной составляющей региональных конференций. Далеко не всегда у исследователей есть желание замечать специфику выработанного более века тому назад краеведческого подхода. Однако как только регионовед заимствует наработки краеведов того времени, краеведческий подход дает о себе знать. В большинстве исследовательских работ в области регионоведения (регионалистики, регионологии и т. п.) нетрудно обнаружить краеведческий инструментарий (за неимением регионоведческого).

Традиция краеведческого описания отдельных местностей была заложена в 1840-х гг. Огромное количество соответствующих работ, появившихся во второй половине XIX – начале XX в., пока не стало предметом целостного анализа, а внимание большинства современных краеведов привлекают факты прошлого, примеры из биографий ярких краеведов-самородков. Когда же они обращаются к описанию отдельных территорий, то их интерес состоит в выявлении позитивной информации, но не в рассмотрении подхода, который лежит в основе рассматриваемой работы.

В некоторых публикациях история краеведения полностью сводится к истории провинциальной исторической науки. Так, в докторской диссертации В. И. Первушкина «Становление и развитие провинциального краеведения в России во второй трети XIX – начале XX века (на примере Пензенской, Тамбовской и Саратовской губерний)» «объект исследования – историко-краеведческая деятельность губернских статистических комитетов, губернских ученых архивных комиссий, церковно-археологических и церковно-исторических комитетов и комиссий, специфика их организационного и научного развития в Пензенской, Саратовской и Тамбовской губерниях. Предмет исследования – становление и развитие провинциальной исторической науки во второй трети XIX – начале XX в.» [Первушкин, 2008]. Таким образом, получается, что «провинциальное краеведение в России» – это «провинциальная историческая наука».

Конечно, следует учитывать возможность перемен (они неизбежны!) в подходах к анализу проблемы, во взглядах на суть краеведения, его организационные формы, на место в образовательно-воспитательной практике, что во многом связано с новым этапом модернизации России. Быстро обновляющаяся жизнь создавала для россиян принципиально новые условия существования и утверждала новые культурные ценности – в прошлое уходил огромный пласт культуры. Но уходящее сохраняло притягательность, вызывало интерес (и до сих пор манит к себе) как культурная ценность, как недавнее, но уже прошлое.

В связи с этим на государственном и общественном уровнях проходила институционализация краеведения. Первыми государственными учреждениями, включившимися в краеведческую деятельность, были появившиеся в 1830-х гг. губернские статистические комитеты.

Интересы русской провинциальной интеллигенции нашли яркое отражение в деятельности А. П. Щапова в связи с рассмотрением его идеи областности. Не центр, а провинция должна стать полем настоящей, полезной народу деятельности – таков был лозунг некоторых шестидесятников. Начало областности, считал Щапов, еще мало осознано наукой. «У нас доселе господствовала в изложении русской истории идея централизации... Нисколько не раскрываются разнообразные историко-этнографические, бытовые и экономические особенности областей, не изображаются моральные, политические и физико-географические условия их внутреннего развития и быта» [Архангельский, 1925, с. 71–80]. Убежденные сторонники идеи Щапова были настоящими основоположниками краеведения.

С 1880-х гг. для экспертизы документов, предназначенных к уничтожению, и с целью формирования местных архивов были созданы губернские ученые архивные комиссии. Реализуя свои социальные функции, они накапливали эмпирические данные о конкретных территориях, классифицировали и транслировали их. Для общественных организаций второй половины XIX в. – научно-просветительных обществ, кружков и др. – краеведческие занятия постепенно складывались в одно из основных направлений деятельности, приобретая в каждом случае определенную предметную специализацию либо развиваясь комплексно. В эти организации входила, как правило, образованная часть местного населения.

Постепенно краеведение функционально включалось в социокультурную коммуникацию на губернском и локальном уровнях. Преобладавшее поначалу в краеведении любительство сменялось профессиональными занятиями по изучению края, чему способствовало прежде всего появление библиотек, архивов, музеев. Развертывалась работа по собиранию и сохранению памятников истории и культуры. Ширились трансляция полученных знаний и информационный обмен через разного рода библиотечные и архивные документы, музейные экспозиции, лекции и доклады, краеведческие издания.

С развитием публикаторской деятельности появляется специальная область научной исторической библиографии – краеведческая. Появление библиографических работ было связано с активизацией изучения местной истории [Рубинштейн, 1941, с. 366–367].

Усилия центральных и губернских научных центров, появившихся в середине – второй половине XIX в., рост грамотности населения катализировали в ходе модернизации России и разрушения ее традиционного уклада процесс описания уходящей, но культурно привлекательной жизни. Краеведение пыталось показать культурную значимость прежних ценностей местных сообществ, существовавших в отдельных селах и городах, по возможности их сохранить. Именно поэтому краеведов гораздо больше, чем, к примеру, история села или природа края, интересовали праздничные, свадебные, погребальные, аграрные обряды, местные предания и сказки, жизнь и деятельность знаменитых земляков, ставших символами уходящей жизни, прошлое сельских храмов с их древними иконами, книгами, мощами святых. Тем более что раньше в России «без остатка выкорчевывались все местные особенности и традиции – с таким успехом, что в памяти народной уже не сохранилось героических легенд прошлого... Малые родины потеряли всякий исторический колорит, который так красит их во Франции, Германии и Англии» [Федотов, 1989, с. 145].

Во второй половине XIX в. краеведение оформилось как самостоятельная деятельность. К началу XX в. были осмыслены некоторые теоретические вопросы краеведения, принятого в его рамках подхода. И эти обстоятельства позволяют согласиться с утверждением о том, что само краеведение конца XIX – начала XX в. получило развитие именно потому, что выступило в качестве феномена разрушающегося традиционного общества [Ачкалов, 2001]. Постепенно оно оформилось в самостоятельное явление культуры российской провинции.

В изучаемый период возникает такая значимая форма образовательной (просветительной) деятельности, как экскурсия, закладываются основы отечественной экскурсионистики, развивается экскурсионная практика, создаются ее организационная и информационная структуры. Вся экскурсионная работа была тесно связана с родино-, отчизно-, краеведением. Еще более продуктивным в плане развития краеведческо-экскурсионного дела были 1907–1917 гг. [Киселева, 2008, с. 299–305].

Таким образом, краеведение было представлено в первую очередь образовательно-воспитательной и научно-популяризаторской деятельностью. Краеведческий подход, локальное

описание как метод постепенно проникали в научную сферу. Так расширялись социальные функции краеведения.

Это было связано и с тем, что на рубеже XIX и XX вв. в развитии краеведения появляются новые элементы, постепенно формирующиеся в процесс, который специалисты называют профессионализацией: меняется состав членов краеведческих организаций в результате увеличения числа профессионально занимающихся краеведением; формируются понятийно-терминологический аппарат и концептуальная база краеведения (в научном обороте появляются термины «родиноведение», «отчизноведение», «краеведение»; публикуются первые работы, посвященные истории, содержанию, задачам и методам краеведения и др.); в образовании становится заметной предметная специализация краеведения, например, выделяется историко-культурное направление, ставшее позже основой региональной истории, естественнонаучные краеведческие исследования составили базу региональной географии [Размустова, 1990, с. 31–32; Лесгафт, 1907; Вусович, 1886; Тальерен, 1913; Малинин, 1873 и др.].

Указанные обстоятельства позволяют предположить, что новые дисциплины, в рамках которых в последние десятилетия началось изучение отдельных регионов, даже при профессионализме исследователей вряд ли сумеют занять место краеведения, хотя, с другой стороны, интенсивное изживание российским обществом ценностей традиционализма делает неизбежным его обновление.

В развитии краеведения в конце XIX – начале XX в. доминировал учебный аспект: хотя оно не преподавалось, тем не менее при обучении очень широко использовались краеведческие знания. Свидетельство тому – бурное развитие школьного краеведения, что также способствовало появлению первых признаков отделения краеведения как науки от практики. Как всякая наука вычленилась из общего человеческого знания, упорядочивалась, становилась целостной, порождая дисциплинарное, систематическое знание, так и краеведение включало в себя совокупность относящихся к отдельным частям страны знаний. Под влиянием практических потребностей накопившиеся эмпирические знания и представления о территориях трансформировались в определенную научную систему, которая сначала получила название «родиноведение», а в начале XX в. – «краеведение».

Фундаментальным основанием в рассматриваемом ракурсе является феномен родиноведения. Укажем, что история отечественного родиноведения еще полностью не воссоздана. Однако предпринимаются попытки рассмотреть проблему как в теоретическом, так и в прикладном плане [Рыженко, 1998, с. 3–8; Пирожков, Клёмина, 2004, с. 76–78 и др.].

Таким образом, теоретические изыскания шли параллельно с развертыванием самого родиноведческого движения. Как в российском масштабе, так и на региональном уровне имелись ученики и сподвижники, превращавшие новацию в традицию, закрепляя ее в виде создания инфраструктурных ячеек местных культурных гнезд. Их имена становятся известными из новейших публикаций [Ремизов, 1998; Казьмина, 2002, с. 86–89; Рыженко, Колеватов, 1998 и др.]. Модель образа конкретно края, созданная отечественными родиноведами в начале XX в., была развита позже.

Родио- и краеведение, как и любая наука, – категория историческая. Краеведческое знание связано с развитием условий для научно-поискового творчества большой массы людей, что возможно при наличии в государственно-общественной жизни достаточных элементов демократии. Это подтверждает история российского краеведения: при И. В. Сталине родиноведческие теоретические разработки были свернуты, краеведческие исследования практически прекратились.

Интерес к феномену родиноведения проявился в формирующейся исследовательской междисциплинарной модели и образовательных методиках со второй половины 1980-х гг., когда произошел быстрый слом монистической модели историко-краеведческого знания. На протяжении десятилетия шла своего рода борьба разного типа теоретико-методологических конструкций за место доминирующей парадигмы, утраченное марксистской платформой [Володихин, 2000, с. 22]. В те годы академик Д. С. Лихачев очень боялся освобождения современного человека от собственных культурных корней, он писал о необходимости «духовной оседлости», призывал к созданию особой науки – «экологии культуры». Можно полагать, что под «духовной оседлостью» Д. С. Лихачев подразумевал внутреннюю зрелость. И в ее воспитании важнейшую роль ученый отводил краеведению, которое очень высоко ценил.

Сегодня заметно тяготение людей к малой родине. Но краеведение может удовлетворить только часть этой потребности. Дело в том, что понятийная сеть краеведения ограничена локально. Краеведение описывает территорию. Родиноведение же характеризует состояние человека, находящегося в интенсивных связях со всем миром, оно не может быть локально замкнутым, поэтому дидактический потенциал родиноведения колоссален.

В связи со сказанным полезно напомнить об истории родиноведения в Германии, где оно имеет давние традиции, восходящие к учению И. Песталоцци о роли природы в воспитании и образовании детей. Родиноведение было обязательным предметом в немецких «народных» школах с 1908 г. В период гитлеризма оно впитало в себя идеологию национал-социализма, а в 1945 г. было устранено из системы образования. Но уже в 1950-х гг. родиноведение снова преподается в младших классах, а в старших фигурирует в качестве «дидактико-методического элемента образования», хотя и подвергается критике за «развлекательно-психологическую направленность». Однако в ФРГ было признано, что родиноведение может быть посредником в приобщении детей к более широким горизонтам, поэтому с 1969 г. оно имеет уже статус обычного школьного предмета. В ГДР родиноведение имело аналогичную судьбу – преподавалось в первом – четвертом классах средней школы. В те годы в немецкий язык глубоко вошли понятия «народные праздники» и «праздники родины» (Heimatfeste), которых не сотни, а тысячи. В современной западноевропейской традиции тема патриотизма разрабатывается не только в конкретно-исторической динамике – делается акцент на философско-мировоззренческом содержании понятия «Родина» [Pipmeir, 1990, s. 91–107].

Итак, XIX и начало XX столетия были плодотворными для родино- и краеведения. Именно в это время в научный дискурс вошла мысль о тесной взаимосвязи образования и краеведения, в том числе о влиянии краеведения на библиотечно-музейно-архивные практики, экскурсионное дело, на ряд преподаваемых учебных дисциплин. В науке появились новые понятия: родиноведение, отчизноведение, краеведение, краеведческая библиография, школьное краеведение, краеведческая экскурсия и другие, начали складываться их определения.

В понятийной системе родино- и краеведения краеведение становилось одним из центральных, оно было определено как термин и закреплено в словарях, научной и учебной литературе, официальных документах, что свидетельствовало об официальной дефиниции и предполагало обязательность ее применения. Получили определения и другие термины и понятия, вошедшие в родино-, краеведческий дискурс. Однако развитие феномена краеведения, ощущение неточности предложенных много лет назад его дефиниций, расхождение с интуитивным пониманием их сути заставляли географов, историков, культурологов, терминологов последующих лет возвращаться к этому вопросу и вносить поправки, формируя матрицу понимания феномена *родино-, краеведение* на основе понятий, которые бы емко отражали его фундаментальные свойства и имели достаточно ясные обозначения.

Краеведение активно формировалось как научная дисциплина. Однако оно представляло собой в основном формально-техническую дисциплину, характеризующуюся высоким удельным весом проблематики практической направленности. Краеведческое движение не было массовым, деятельность обществ любителей истории и культуры родного края строилась на энтузиазме одиночек, которые, всецело увлеченные научными поисками, сохранением провинциальных архивных документов, созданием коллекций, спасением памятников старины, организацией библиотечных и музейных собраний, придавали развитию краеведения мощный импульс, ведя за собой любителей прошлого. Прагматичный интерес государственных структур к краеведческому движению, в основном как к инструменту решения вопросов сохранности архивных, музейных и библиотечных фондов, мало способствовал деятельности провинциальных научных обществ. Только отдельные представители русского чиновничества в силу своего высокого культурного и интеллектуального уровня были всерьез озабочены духовным развитием страны и понимали огромную воспитательную роль краеведения. Они во многом способствовали созданию благоприятных условий для краеведческой деятельности.

XX век для краеведения – самое сложное и продуктивное время. В связи с резким скачком в развитии информационного общества во второй половине XX столетия поле научного и околонаучного дискурса в области краеведения и его взаимосвязи с другими социальными и политическими институтами стали столь обширными, что заслуживают подробного анализа в отдельной

статье. Однако заметим, что в основном феноменохарактеристика родино-, краеведения сложилась до информационного бума в России.

В демократической России значение родино-, краеведения осознается в самом широком научном и социокультурном контексте. Сегодня уже невозможно возрождение монистической модели, поэтому вполне естественна множественность теоретико-методологических, историко-философских подходов к науке, в том числе к родино-, краеведению, которое нужно сегодня в первую очередь учебным заведениям. Под родиноведением вряд ли оправданно подразумевать особый предмет, это скорее всего система образовательно-воспитательной работы, которая складывается как из учебных, так и из внеклассных действий, направленных на знакомство молодых людей с материальным, духовным и эстетическим богатством родного края.

Расширение преподавания родиноведения – важное свидетельство нового качества в развитии краеведения, которое, включаясь в процесс становления гражданского общества, остается формой общественного участия населения в решении социально значимых проблем на основе знания специфики территории проживания. В таком контексте краеведение выступает своеобразной философией локального обустройства, которая с исчезновением жестких социально-политических установок советского периода приобрела ценность.

Библиографический список

- Архангельский С. И. Из истории краеведческой идеи в Нижегородском крае (Мельников-Печерский – Гацкий – Короленко) // Краеведение. 1925. № 1–2.
- Ачкалов В. А. Россия как разрушающееся традиционное общество // Полис. 2001. № 3.
- Володихин Д. М. Феномен фольк-истори // Отеч. история. 2000. № 4.
- Вусович А. Курс родиноведения для местных учебных заведений. Калуга, 1886.
- Казьмина Е. О. Лебедев В. В. – видный деятель дореволюционной Тамбовщины // Культура русской провинции: Новые исследования: матер. науч.-практ. конф. Тамбов, 2002.
- Киселева М. А. К вопросу о периодизации отечественного экскурсионного дела // Актуальные проблемы социокульт. исследований: межрегион. сб. науч. ст. Кемерово, 2008. Вып. 4.
- Кузнецов Н. И. Наука и ее история (методолог. проблемы). М., 1982.
- Лесгафт Э. Отечественное образование: курс среднеучеб. заведений. СПб., 1907.
- Малинин Н. Беседы о наглядном обучении и отчизноведении, читанные на учебно-педагогическом курсе при Московском обществе всепомоществования гувернанткам, домашним учительницам и воспитательницам. М., 1873.
- Первушкин В. И. Становление и развитие провинциального краеведения в России во второй трети XIX – начале XX века (на примере Пензенской, Тамбовской и Саратовской губерний): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саранск, 2008.
- Пирожков Г. П. Историческое краеведение: программа автор. курса. Тамбов, 2005а.
- Пирожков Г. П. Краеведение: учебник. Тамбов; М.; СПб.; Баку; Вена, 2006а.
- Пирожков Г. П. О предмете краеведения // Ист., филос., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики: в 3 ч. Тамбов, 2011. № 2(8). Ч. 1.
- Пирожков Г. П. Теория краеведения: монография. СПб., 2005б.
- Пирожков Г. П., Клёмина Л. В. Преемственность родиноведческих традиций Тамбовской ученой архивной комиссии в деятельности Тамбовского центра краеведения // Формирование специалиста в условиях региона: новые подходы: матер. 4-й Всерос. межвуз. науч. конф. (Тамбов, 12–13 апр. 2004 г.). Тамбов; М.; СПб.; Баку; Вена, 2004.
- Пирожков Г. П. Краеведение: терминология слов. Тамбов; М.; СПб.; Баку; Вена, 2006б.
- Размустова Т. О. Изучение «малой родины» как часть национальной культуры // Культ. деятельность и культ. политика: сб. науч. тр. М., 1991.
- Размустова Т. О. Обращение к истокам российского краеведения // Музееведение. Концептуальные проблемы музейной энциклопедии: сб. науч. тр. М., 1990.
- Ремизов А. В. Омское краеведение. 1930–1960-е гг.: в 2 кн. Омск, 1998.
- Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941.
- Рыженко В. Г. Родиноведческие идеалы и традиции как фактор укрепления культуры российской провинции (XX в.) // Культура и интеллигенция России: социал. динамика, образы, мир науч. общ.: матер. 3-й Всерос. науч. конф. Т. 2: Интеллигенция России: динамика, образы, потенциал

местн. культ. гнезд. Омск, 1998.

Рыженко В. Г., Колеватов Д. М. Творческое наследие ученых-гуманитариев в меняющихся реалиях сибирской провинции XX в.: (ист.-культурол. подступы к проблеме) // Локальные культ.-ист. исследования: теория и практика. Омск, 1998.

Синицына К. Р. Историческое краеведение. Казань, 1983.

Строев К. Ф. Краеведение: учеб. пособие для естественно-географических факультетов педагогических институтов: 2-е изд., испр. и доп. М., 1974.

Тальгрэн А. М. Родиноведение в Финляндии: задачи, история и современная его организация. СПб., 1913.

Федотов Г. П. Россия и свобода // Знамя. 1989. № 12.

Филимонов С. Б. Краеведение и документальные памятники (1917–1929 гг.). М., 1989.

Чернов А. С. История Тамбовского края: учеб. пособие (гриф УМО вузов РФ по обр. в обл. ист.-архивовед.). Тамбов; М.; СПб.; Баку; Вена, 2005.

Шмидт С. О. «Без любви к малой родине, к ее памятникам и природе невозможно почитание и родины большой» // Родина. 1989а. № 4.

Шмидт С. О. «Краеведение – дело, значение которого не может быть преувеличено» // Памятники Отечества. 1989б. № 1.

Шмидт С. О. Краеведение и документальные памятники. Тверь, 1992.

Pipmeir R. Philosophische Aspekte des Heimatbegriffs // Heimat. Analysen, Themen, Perspektiven. Diskussionsbeiträge zur politischen Didaktik. Bundeszentrale für politische Bildung. Bonn, 1990.

Pirozhkov G. P. Ethnography: the code of the analysis from the point of view of scientific studies = Краеведение: науковедческий код анализа // Вестн. Тамб. гос. техн. ун-та. Тамбов, 2006. Т. 12, № 1.

Pirozhkov G. P. Regional studies: about the periodization of the discipline = Краеведение: о периодизации дисциплины // Вестн. Тамб. гос. техн. ун-та. Тамбов, 2005. Т. 11, № 4.

Дата поступления рукописи в редакцию 04.09.2011

THE FORMATION OF MOTHERLAND AND LOCAL HISTORY DISCOURSE ON THE BASIS OF LOCAL RESEARCH PRACTICES (THE SECOND HALF OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES)

G. P. Pirozhkov

Tambov branch of Moscow State University of Culture and Arts, Montazhnikov st., 3, Tambov, Russia 392680
gpptmb48@rambler.ru

The article presents a short survey of existing interpretations of a number of notions in the native country (local history) studies discourse and the analysis of their conceptual characteristics; an attempt has been made to clarify historic and culturological principles of the Motherland and local history studies phenomenon and the most important aspects of the process of defining certain terms.

As it has become a wide spread practice to teach local history, addressing the history issues is becoming more topical, first of all, in the context of its spiritual component; in the focus of the researchers' attention there are men of science, culture and education who made up the social environment of native country studies genesis, developed the basics of local research practices. However, the history of local history studies is still often limited by the history of provincial historical science, in the majority of regional history studies one can find local history studies toolset which does not fit into the tradition of local description of territories dating back more than a hundred and fifty years. In the period of interest local history studies formed itself as an independent activity, later developing as a phenomenon of a disintegrating traditional society, its theory and practices were comprehended, gradually evolving into a unique phenomenon of provincial culture represented, first of all, by educational-educative and scientific-popularizing activities. Local history approach and local description as a method gradually penetrated into the scientific milieu.

The article both offers a version of Motherland and local history studies genesis and shows the interest in them from present-day educational methodology. Motherland studies is understood by the author as a complex of educational-educative work aimed at acquainting students with material, spiritual and aesthetic wealth of the home country. The fact of widespread teaching of Motherland history appears to be an essential evidence of a new qualitative level of local history studies advancing as a kind of philosophy of new Russia's development.

Key words: Motherland studies; local history studies; discourse; phenomenological code; local research practices.

References

- Achkalov V. A.* Rossiya kak razrushayushcheesya traditsionnoe obshchestvo // Polis. 2001. No. 3.
- Arkhangelskiy S. I.* Iz istorii kraevedcheskoy idei v Nizhegorodskom krae (Melnikov-Pecherskiy – Gatskiy – Korolenko) // Kraevedenie. 1925. No. 1–2.
- Chernov A. S.* Istoriya Tambovskogo kraya. Tambov; Moscow; Saint Petersburg; Baku; Vena, 2005.
- Fedotov G. P.* Rossiya i svoboda // Znamya. 1989. No. 12.
- Filimonov S. B.* Kraevedenie i dokumentalnye pamyatniki (1917–1929 gg.). Moscow, 1989.
- Kazmina E. O.* Lebedev V. V. – vidnyy deyatel dorevolutsionnoy Tambovshchiny // Kultura russkoy provintsii. Nove issledovaniya. Tambov, 2002.
- Kiseleva M. A.* K voprosu o periodizatsii otechestvennogo ekskursionnogo dela // Aktualnye problemy sotsiokulturnykh issledovaniy. Kemerovo, 2008. Is. 4.
- Kuznetsov N. I.* Nauka i ee istoriya (metodologicheskie problemy). Moscow, 1982.
- Lesgaft E. Otechestvovedenie: kurs sredneuchebnykh zavedeniy. Saint Petersburg, 1907.
- Malinin N.* Besedy o naglyadnom obuchenii i otchiznovedenii, chitannye na uchebno-pedagogicheskom kurse pri Moskovskom obshchestve vspomoshchestvovaniya guvernantkam, domashnim uchitel'nitsam i vospitatel'nitsam. Moscow, 1873.
- Pervushkin V. I.* Stanovlenie i razvitie provintsialnogo kraevedeniya v Rossii vo vtoroy treti XIX – nachale XX veka (na primere Penzenskoy, Tambovskoy i Saratovskoy guberniy). Saransk, 2008.
- Pipmeir R.* Philosophische Aspekte des Heimatbegriffs // Heimat. Analysen, Themen, Perspektiven. Diskussionsbeiträge zur politischen Didaktik. Bundeszentrale für politische Bildung. Bonn, 1990.
- Pirozhkov G. P.* Ethnography: the code of the analysis from the point of view of scientific studies = Kraevedenie: naukovedcheskiy kod analiza // Vestnik Tamb. gos. tehn. un-ta. Tambov, 2006. Vol. 12, No. 1.
- Pirozhkov G. P.* Istoricheskoe kraevedenie: programma avtorskogo kursa. Tambov, 2005a.
- Pirozhkov G. P.* Kraevedenie: terminologiya slov. Tambov; Moscow; Saint Petersburg; Baku; Vena, 2006b.
- Pirozhkov G. P.* Kraevedenie. Tambov; Moscow; Saint Petersburg; Baku; Vena, 2006a.
- Pirozhkov G. P.* O predmete kraevedeniya // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov, 2011. No. 2(8). P. 1.
- Pirozhkov G. P.* Regional studies: about the periodization of the discipline = Kraevedenie: o periodizatsii distsipliny // Vestnik Tamb. gos. tehn. un-ta. Tambov, 2005. Vol. 11, No. 4.
- Pirozhkov G. P.* Teoriya kraevedeniya. Saint Petersburg, 2005b.
- Pirozhkov G. P., Klemina L. V.* Preemstvennost rodinovedcheskikh traditsiy Tambovskoy uchenoy arkhivnoy komissii v deyatelnosti Tambovskogo tsentra kraevedeniya // Formirovanie spetsialista v usloviyakh regiona: novye podkhody. Tambov; Moscow; Saint Petersburg; Baku; Vena, 2004.
- Razmustova T. O.* Izuchenie «maloy rodiny» kak chast natsionalnoy kultury // Kulturnaya deyatelnost i kulturnaya politika. Moscow, 1991.
- Razmustova T. O.* Obrashchenie k istokam rossiyskogo kraevedeniya // Muzeevvedenie. Kontseptualnye problemy muzeynoy entsiklopedii. Moscow, 1990.
- Remizov A. V.* Omskoe kraevedenie. 1930–1960-e gg. Omsk, 1998.
- Rubinshteyn N. L.* Russkaya istoriografiya. Moscow, 1941.
- Ryzenko V. G.* Rodinovedcheskie idealy i traditsii kak faktor ukrepleniya kultury rossiyskoy provintsii (XX v.) // Kultura i intelligentsiya Rossii: sotsialnaya dinamika, obrazy, mir nauchnykh soobshcheniy. Vol. 2: Intelligentsiya Rossii: dinamika, obrazy, potentsial mestnykh kulturnykh gnezd. Omsk, 1998.
- Ryzenko V. G., Kolevatov D. M.* Tvorcheskoe nasledie uchenykh-gumanitariev v menyayushchikhsya realiyakh sibirskoy provintsii XX v.: (istoriko-kulturologicheskie podstupy k probleme) // Lokalnye kulturno-istoricheskie issledovaniya: teoriya i praktika. Omsk, 1998.
- Shmidt S. O.* Bez lyubvi k maloy rodine, k ee pamyatnikam i prirode nevozmozhno pochitanie i rodiny bolshoy // Rodina. 1989a. No. 4.
- Shmidt S. O.* Kraevedenie – delo, znachenie kotorogo ne mozhet byt preuvelicheno // Pamyatniki Otechestva. 1989b. No. 1.
- Shmidt S. O.* Kraevedenie i dokumentalnye pamyatniki. Tver, 1992.
- Sinitsyna K. R.* Istoricheskoe kraevedenie. Kazan, 1983.
- Stroev K. F.* Kraevedenie. Moscow, 1974.
- Talgren A. M.* Rodinovedenie v Finlyandii: zadachi, istoriya i sovremennaya ego organizatsiya. Saint Petersburg, 1913.
- Volodikhin D. M.* Fenomen folk-khystori // Otechestvennaya istoriya. 2000. No. 4.
- Vusovich A.* Kurs rodinovedeniya dlya mestnykh uchebnykh zavedeniy. Kaluga, 1886.